

**ОТ КОНСУЛАТА К ИМПЕРИИ: ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ФРАНЦИИ ПРИ НАПОЛЕОНЕ**

А. Н. Белов

Научный руководитель – Т. Н. Гончарова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматриваются внутренние трансформации наполеоновского режима с течением времени, а также его преемственность по отношению к Французской революции. На основе обобщения ряда источников и современных историографических концепций, автор приходит к выводам о закономерности захвата генералом Бонапартом власти в результате государственного переворота 18–19 брюмера и выполнении им единой общественно-политической роли на протяжении всего периода нахождения у руля государства.

Ключевые слова: Бонапартизм, Наполеон I, Консульство, Первая империя.

**FROM THE CONSULATE TO THE EMPIRE:
FEATURES OF THE SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION OF
FRANCE UNDER NAPOLEON**

A. N. Belov

Scientific supervisor – T. N. Goncharova

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Abstract. The article examines the internal transformations of the Napoleonic regime over time, as well as its continuity in relation to the French Revolution. Based on the generalization of a number of sources and modern historiographical concepts, the author comes to conclusions about the regularity of General Bonaparte's seizure of power as a result of the coup d'état of 18–19 Brumaire and his performance of a single socio-political role throughout the entire period of being at the helm of the state.

Keywords: Bonapartism, Napoleon I, Consulate, First Empire.

Революция по своей сущности не есть самоцель общественно-политического развития. Это скорее фундамент для возведения более стабильного и совершенного здания социального прогресса. Качество строения, как известно, находится в прямой зависимости от талантов и квалификации его архитектора.

Таковая роль в результате Французской революции выпала, несомненно, Наполеону Бонапарту. При этом традиционным в историографии является подход, разделяющий наполеоновский режим на Консульство и Империю, противопоставляя две эти политические формы друг другу. Наиболее ярким специалистом, придерживавшимся подобной концепции, был Е. В. Тарле [8, с. 134–136]. Вслед за ним идея стала общепринятой и нашла свое отражение в ряде капитальных работ по истории политической деятельности императора французов [2, с. 407–410]. Тем не менее, новейшие исследования, а также опубликованные исторические источники дают возможность рассмотреть описанное явление в несколько ином свете. Отойдя от ставших тривиальными представлений, попытаемся разобраться в вопросе преемственности Первой империи по отношению к консульской республике и предшествовавшим ей революционным правительствам.

Прежде всего, отметим общее использование Наполеоном единых методик управления, имевших отчетливо бонапартистский характер [4, с. 128–129]. Наиболее ярко они проявлялись в сочетании репрессивных и компромиссных мер, лавировании между социальными классами. Более того, для легитимации своих действий Бонапарт применял характернейший инструмент – опору на народное большинство посредством плебисцитов. Уже в этом отношении как вопрос о пожизненном консульстве (1802), так и голосование по поводу установления империи (1804) являются преемственными ключевым революционным преобразованиям [1, с. 163]. Одновременная реализация и консервативных, и прогрессивных мер позволяла Наполеону объединить вокруг своего режима все важнейшие социальные группы: буржуазию, крестьянство, городские низы и часть старой аристократии. Бывшие якобинцы видели в первом консуле и императоре противника королевской реставрации, роялисты считали этого правителя гарантом невозвращения к террору, крестьянство и буржуазия – живым символом господства капиталистических порядков [9, с. 200–202]. Консолидация общественных сил, ради которой предпринимались подчас противоречащие друг другу шаги (например, амнистия эмигрантов [3, с. 107–108] и казнь герцога Энгиенского; принятие Гражданского кодекса и объявление католицизма религией большинства французов), красной нитью проходит сквозь весь политический путь Бонапарта. Напомним, что еще во время своей Первой Итальянской кампании он, одной рукой призывая солдат к

почти открытому грабежу [11, I, p. 107], другой гарантировал неприкосновенность собственности для местных жителей [11, I, p. 573–574].

Именно подобная политика превратила наполненную партийной враждой и социальными беспорядками Францию в подлинную Республику – полноценное «общественное дело», имевшее надклассовый и надсословный характер. В этом смысле императорская коронация Наполеона – лишь закономерный итог Французской революции, ее логичное завершение. Нестабильная, разобщённая межклассовыми противоречиями *res publica* требовала упрочения своей социальной и политической структуры, из-за чего и породила собственного гаранта – императора «божьей милостью и волей народа» [13, p. 352–358].

Далее обратим внимание на тот факт, что и консульский, и императорский режимы придерживались одной и той же линии сильной исполнительной власти, тщательно выстроенной в централизованную вертикаль. Широчайшие полномочия бюрократов на местах, подчинение их единому управлению, контроль над политической активностью общества, ослабевание значения представительных органов власти при прежнем сохранении республиканской формы есть, несомненно, тенденции, зародившиеся в период Консулата и явственным образом сохранившиеся во время Империи [7, с. 475]. Отметим, что идеальным винтиком в наполеоновском бюрократическом аппарате с идеологической точки зрения был консервативный республиканец, каковым мог стать как сторонник монархии и эмигрант, так и бывший якобинец. Именно эта, зародившаяся во время Директории, а затем сформированная в период Консульства чиновничья прослойка, и стала в итоге элитой новой Империи [14, p. 69–72].

Нельзя не уделить место и следующей наиболее характерной для всех деяний Бонапарта черте. Выступая полноценным «сыном» буржуазной революции, он всецело воплощал ее новый экономический строй в реальность. Заняв Египет и избавившись в нем от феодальных элементов (правившего страной сословия мамелюков), Наполеон стал защитником «коммерции», «домов» и «имуществ» [11, IV, p. 341]. Как известно, именно они являются важнейшими атрибутами капиталистического способа производства. Точно так же, придя к власти в самой Франции, Бонапарт утвердил революционные завоевания: установил стабильную валюту, учредил существующий и по сей день национальный банк, оказал значительную поддержку промышленному производству [7, с. 481–482] и, наконец, оформил создавшуюся систему в правовой сфере путем принятия знаменитого Гражданского кодекса [7, с. 492]. Таким образом, Наполеону выпала задача закрепить буржуазный экономический базис путем утверждения соответствующей политической надстройки. И дивизионный генерал образца 18 брюмера, и первый консул, и император в этом отношении являются звеньями единой цепи, последовательно соединёнными друг с другом [16, p. 493–502].

Общие тенденции можно выделить и в ритуально-символическом обрамлении нового режима. Так, период Консульства изобилует примерами целого ряда монархических течений. Резкое усиление личной власти первого консула, наделение его королевским правом помилования, установление пожизненного правления, зарождение наполеоновского культа, создание Почетного легиона, поддержка католической церкви и начало изображения профиля Бонапарта на монетах – все эти меры недвусмысленно подтверждают означенный выше тезис. В то же время заметим, что эпоха Первой империи, несмотря на целый ряд косметических трансформаций власти ее императора, в значительной степени наполнена сохранившимися революционными элементами. Во всех официальных документах и на денежных знаках до конца 1808 года Франция именовалась республикой. Более того, сам титул императора французов (не страны, а народа) лишний раз подчеркивал особый характер власти его носителя – еще со времен Октавиана Августа именно подобная должность увенчивала все республиканские институты [6, с. 72–73]. Наконец, обратим внимание на то, как собственно Наполеон преподносил принятие им императорского достоинства. С точки зрения новоиспеченного монарха, это есть вынужденный акт, который призван «способствовать благу Отечества» и представится «полезным славе Нации» [11, IX, р. 363] на фоне внутрисполитического кризиса и ожесточенного противостояния с Великобританией [10, р. 83–84].

Наконец, сама идеология Первой империи пропитана республиканским духом. Оба ее фактических гимна («Походная песня» и «На страже империи») были наполнены революционными и тираноборческими мотивами [12, р. 67–83]. Также заметим, что Наполеон всегда имел единое прагматичное отношение к верованиям и культам. И на полях Италии, и в песках Египта, и в покоях Тюильри он оставался верен своему принципу, используя любые религиозные учения в качестве эффективного средства управления населением [5, с. 90–92]. Поэтому оформленный еще во время Консульства конкордат с Папой Римским был очередной попыткой сплотить вокруг режима широкие народные массы. Попыткой своевременной и весьма успешной [15, р. 402–414].

Итак, резюмируя вышесказанное, можем сделать следующие умозаключения. Прежде всего, заметим, что сам факт прихода Наполеона к власти есть событие закономерное, прямо вытекающее из революционных явлений и логично их завершающее. При этом в течение всего своего правления Бонапарт придерживался единых политических методов, действовал во имя интересов одних и тех же социальных групп, претворяя в жизнь все самые важные завоевания революции и закрепляя их силой пера и штыка. Таким образом, с принятием императорского титула, ровным счетом, ничего не изменилось. Напротив, в лице Первой империи Французская республика достигла вершины своего развития, поскольку и якобинская дик-

татура, и режим Директории, и в определенной степени Консулат были неустойчивыми и переходными формами политического устройства.

Поэтому упомянутое деление фигуры Бонапарта на два противопоставленных друг другу образа [8, с. 394–404] представляется нам не совсем верным. Наполеон являлся полноценным императором Республики, олицетворением нации, порожденной Революцией. В этой связи и Первая империя по своему политическому содержанию оставалась республикой, лишь украшенной мишурой золотых пчел и императорских орлов. Консульство же, напротив, при сохранении республиканской формы имело все характерные монархические тенденции, в результате вылившиеся в постановление Сената от 28 флореаля XII года (18 мая 1804 г.), провозглашавшее Наполеона императором французов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Пленков О. Ю., Соколов О. В. Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время / Под ред. А. В. Смолина. СПб. : Изд-во РХГА, 2014. 353 с.
2. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М. : Мысль, 1987. 735 с.
3. Пискунова Е. П. Политика Наполеона в отношении французских эмигрантов // Власть: Общественно-политический журнал. 2009. № 11. С. 105–108.
4. Протасенко И. Н. Бонапартизм: власть и ценности // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2012. № 2. С. 125–129.
5. Ревуненков В. Г. Взлет и падение Наполеона Бонапарта. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 168 с.
6. Ревуненков В. Г. Наполеон и революция: 1789–1815. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 108 с.
7. Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой Французской революции: 1789–1814. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. 516 с.
8. Тарле Е. В. Наполеон. М. : Астрель ; АСТ, 2008. 413 с.
9. Токвиль А. Старый порядок и революция. М. : Тип. А. Г. Кольчугина, 1896. 350 с.
10. Boudon J.-O. Citoyenneté, République et Démocratie en France: 1799–1899. P.: Armand Colin (collection U), 2014. 320 p.
11. Correspondance de Napoléon I publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III: en 32 t. T. I. P.: Henri Plon, 1858. 676 p.; T. IV. P.: Imprimerie Impériale, 1860. 789 p. T. IX. P.: Henri Plon, 1862. 608 p.
12. Desrayaud A. Le sentiment patriotique dans le discours des législateurs de 1801 // *Napoleonica. La revue*. 2010. № 9. P. 32–90.
13. Dwyer F. G. Napoleon and the foundation of the empire // *The Historical Journal*. 2010. № 53. P. 339–358.
14. Soule A.-B. De Brumaire à la formation de l'État bureaucratique consulaire: le rôle des républicains conservateurs // *Annales historiques de la Révolution française*. 2014. № 378. P. 51–72.
15. Tulard J. Le Grand Empire 1804–1815. P.: Albin Michel, 1982. 467 p.
16. Tulard J. Napoléon: Ou le mythe du sauveur. P.: Fayard, 2014. 524 p.

АВТОР:

Белов Алексей Николаевич – студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель – Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

AUTHOR:

Belov Alexey Nikolaevich – Student, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg

Scientific supervisor – Goncharova Tatyana Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg